

Катермина В.В., д.ф.н., профессор
Katermina V.V., PhD., professor
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Kuban State University, Krasnodar, Russia
katermina_v@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД ОБЩЕНИЯ **INTERCULTURAL COMMUNICATION AS A SPECIAL TYPE** **OF COMMUNICATION**

Аннотация: статья посвящена рассмотрению межкультурной коммуникации как особого вида общения. В тексте рассматриваются понятия: «национальный характер», «этнические стереотипы», «этническая оценка», - анализируются паремиологические единицы, отражающие ценностные параметры жизни русского народа. Особое внимание уделяется схеме этнической отчужденности. В статье подчеркивается, что культурная доминанта является ключом для понимания межкультурных взаимодействий.

Abstract: the article is devoted to the description of intercultural communication as a special type of communication. The notions “national character”, “ethnic stereotypes”, “ethnic evaluation” are defined as well as paremiological units reflecting axiological parameters of a life of a Russian people are analysed. Special attention is paid to the scheme of an ethnic estrangement. The suggestion of a cultural dominant being the key to understand intercultural interactions is considered to be the basic idea.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, национальная культура, паремиология, этнические стереотипы, этническая оценка.

Keywords: intercultural communication, national culture, paremiology, ethnic stereotypes, ethnic evaluation.

Межкультурная коммуникация является межпредметной интегрированной наукой, основы которой были заложены американской школой культурной антропологии и коммуникативистики, а также синтезом знаний в области европейской и отечественной прагмалингвистики, социальной психологии и этнологии.

Современные теоретические и практические исследования в области межкультурной коммуникации опираются на концепции культурных моделей трех авторов: теорию основных (первичных) информационных систем Э. Холла [Hall 1959], теорию ценностных ориентаций культуры Ф. Клакхона и Ф. Стродбека [Kluckhohn, Strodtbeck 1961], а также систему культурных измерений Г. Хофстеде [Hofstede 1997]. Разработанные данными авторами категории культурных различий на основе привлечения культурантропологических, философских и психологических знаний, а также положений теории коммуникации являются сегодня наиболее пригодными и релевантными для прогнозирования и анализа межкультурного общения.

Межкультурная коммуникация как научно-прикладная дисциплина занимается проблемами понимания и взаимопонимания: понять чужое (другое), адекватно объясниться с чужим, правильно интерпретировать иные, не свои культурные знаки. В плане своего генезиса, предметной соотнесенности, а также с точки зрения исследовательского инструментария, межкультурная коммуникация имеет междисциплинарный статус. Она интегрирует знания таких наук, как культурная антропология, лингвистика, прагмалингвистика, теория коммуникаций, этнопсихология, социология.

Обзор литературы показывает, что существуют, по крайней мере, два подхода к определению сущности межкультурной коммуникации:

- 1) лингвистический, относящий процессы межкультурной коммуникации по природе к речевой деятельности;
- 2) культурно-антропологический (собственно ее и породивший как термин и как новую дисциплину), опирающийся на достижения многих наук.

Лингвистический подход к определению основ межкультурной коммуникации оперирует дефинициями, в которых подчеркивается первостепенное значение языка в процессах межкультурного общения. Так, немецкие лингвисты К. Кнапп и А. Кнапп-Поттхофф рассматривают межкультурную коммуникацию как «межличностное взаимодействие между представителями различных групп, которые отличаются друг от друга багажом знаний и языковыми формами символического поведения, характерными для всех членов каждой из этих групп» [Кнапп, Knapp-Potthoff 1990: 66].

Французские исследователи в области коммуникации и социальной психологии Ж. Ладмираль и Э. Липьянский также относят процесс межкультурной коммуникации в большей степени к сфере вербальной коммуникации [Ladmiral, Lipiansky 2000: 29]. Доступ к любой культуре, особенно к чужой культурной идентичности, открывается, по их мнению, посредством языка: «Отсюда все начинается». Под межкультурной коммуникацией они понимают отношения, возникающие между индивидуумами и группами, принадлежащими разным культурам. Эти отношения всегда развиваются на фоне определяемых этими культурами репрезентаций, кодов, своеобразного жизненного уклада и способа мышления [Ladmiral, Lipiansky 2000: 29].

Отечественные лингвисты В. Г. Костомаров и Е. М. Верещагин в рамках разработанной ими в 1980-х гг. лингвострановедческой теории слова определяют межкультурную коммуникацию как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров 1990: 26].

В ряде научных исследований высказывается предположение о том, что неповторимый индивидуальный облик каждой культуры есть результат особой, свойственной лишь данной культуре, системы организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур [Бердяев 1990: 88]. По мнению Н. А. Бердяева, вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. Философ считает, что каждый отдельный человек со своей национальной индивидуальностью входит в человечество именно как национальный человек. «Национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» [Бердяев 1990: 96]. В силу этого и культура не может быть, по Н. А. Бердяеву, отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная.

Под национальной культурой обычно понимают совокупность общественных отношений и ценностей определенной нации [Дубичинский 1993: 53]. Каждая национальная культура обладает значительностью, а каждый национальный язык выражает ту неповторимость, которая и отличает одну национальную культуру от другой.

Национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, высвечивая при этом такие вещи, на которых в родной культуре внимание и не останавливалось. М. М. Бахтин писал по этому поводу: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин 1979: 335].

Чтобы быть национальной, по мнению В. В. Дубичинского, культура должна обладать достаточным языковым материалом, способным передать «и опыт своего народа, и опыт человечества в целом» [Дубичинский 1993: 54].

Для выявления национального образа мира, национальной культуры, по Г. Гачеву, берется «целостность национальной жизни: и природа, и стихия, и быт, и фольклор, и язык, и образность поэзии, соотношение пространства и времени и их координат – то есть выявляется как бы набор, основной фонд национальных ценностей, ориентиров, символов, архетипов, что и определяет затем и склад мышления, Логос народа» [Гачев 1988: 86]. Так, например, в русском паремиологическом фонде одно из важных мест занимает религия. Подавляющее большинство пословиц и поговорок связывается со святыми, причем выделяется простое, ровное, дружественное к ним отношение (*Егорий с*

ношей, а Никола с возом; Что у волка в зубах, то Егорий дал; Петр с колосом, Илья с колобом; С Егорья хороводы, с Дмитрия посиделки). Для русского народа святые – это часть их обычной жизни, помощники в их труде (У Власья и борода в масле (заступник скота); На Онисима овчары окликают звезды, чтоб овцы ягнились (тульск.); Пророк Наум наставляет на ум (отдают в ученье детей); Пришел Федот – берется земля за свой род).

Все имена святых, используемые в пословицах, находятся в святцах, созданных церковью после принятия христианства на Руси. В них все христианские праздники и имена святых были расписаны по дням года:

Егорий Вешний, Егорьев день (23 апреля/6 мая): *Егорий с теплом, а Никола с кормом. Когда на Егорья мороз, будет и просо и овес.* По народному поверью, Егорий Вешний обладает волшебными ключами, которыми отмыкает весеннюю землю и выпускает росу, отчего начинается бурный рост трав.

Никола Вешний, Никола Травный (9/22 мая). Один из почитаемых на Руси праздников: *До Николы крепись, хоть разопнись; с Николы живи, не тужи.*

В силу аграрного развития России, русский народ накопил большое количество наблюдений, помогающих ему в труде, связав их с именами святых. Каждый святой получал сельскохозяйственную специальность, которую иконописцы воплощали в какой-то мере на иконах. Слепо веря, что такой-то святой жил, крестьяне дополняли миф фантазией и награждали его тайнами волшебства, которые, будто бы, могли «помочь» или повредить крестьянину, бессильному в борьбе с природой. «Народная фантазия и поэтическое представление присовокупили к имени святого дополнительное прозвище, в котором сосредоточена сельскохозяйственная идея» [Кондратьева 1964: 137]. Так возникли приметы с именами собственными, составляющие огромную часть культурного наследия русского народа (*На Симеона Столпника солят огурцы; На Семена ясно – осень ведряная (тульск.); Если первый снег на Сергия, то зима установится на Михайлов день; Со дня Михаила архангела зима морозы кует; На Егорья мороз, будет просо и овес*) (подробнее см. [Катермина 1998; 2009]).

Семья – основа общества; именно семейные отношения являются базой для раскрытия характера всякой нации. Важность семьи, коллективного сознания у русского народа выводится Ю. С. Степановым из этимологии самого русского слова «человек», которое, по его мнению, обозначает «того, кто принадлежит нашей большой семье» [Степанов 1997: 555].

Подтверждение этого мы находим у К. Д. Кавелина, который указывает на следующие отношения между людьми: «русские крестьяне помещика и всякого начальника называют *отцом*, себя – его *детьми*, младший старших – *дядями, тетками, бабками*; равных себе, людей одного поколения – *братьями, сестрами*» [Кавелин 1897: 10–11].

Анализ пословиц и поговорок, составляющих концепт *семья*, их символической значимости, с учетом национальной и культурной специфики, позволяет выявить большой спектр установок культуры, важнейшими из которых являются следующие:

У человека должна быть семья: *Не женат – не человек; С мужем – нужна, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой – хоть волком вой; Хоть за старца, лишь бы в девках не остаться; Когда нет семьи, так и дома нет; Земля без воды – мертва, человек без семьи – пустоцвет; Семья – опора счастья.*

Главой семьи является муж: *Не петь кури петухом, не быть бабе мужиком; Жена верховодит, так муж по соседям ходит.*

Хорошую жену трудно найти: *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде; Выбирай корову по рогам, а девку по родам (по родителям); Хороших не отдают, а плохую взять не хочется; Бился, колотился, а хорошей жены не добился.*

Измена одного из супругов разрушает семью: *Жить было в совете, да разные дети; Знаться с кумою, расстаться с женою; Отец был Флор, а детки – Петровичи.*

Дети – главное в жизни родителей: *Дом с детьми – базар, без детей – могила; Детей нет – жена пустоцвет; Семья без детей, что часы без гирьки.*

Для русского народа эталоном хорошей семьи стала семья дружная, живущая в любви и согласии, в ладу: *Где совет, тут и свет, где любовь, там и Бог; Где мир да лад, там и божья благодать; Где любовь да совет, там и рай, там и свет; а ссоры да споры там только лишь вздоры.*

Хорошая семья обеспечивает душевный и физический комфорт каждому ее члену: *Семья – печка: как холодно – все к ней собираются; В семье и смерть добро, на чужбине и жизнь худо; В семье и смерть красна; Вся семья вместе, так и душа на месте; В родной семье и каша гуще; В семье и каша лучше естся.*

Главное достоинство хорошей семьи – согласие: *Семья крепка ладом; Не надобен и клад, коли в семье лад; Согласною семью беды обходят; Согласною семью горе не берет; Семейное согласие всего дороже; В семье любовь да совет, так и нужды нет; Хорошая семья – это дружная семья: В семье все за одного и один за всех; Добрая семья прибавит разума-ума.* Однако и в хорошей семье бывает всякое: *В семье всего бывает.* И в хорошей семье бывают изъяны: *В семье не без урода, а уроду все не в угоду; В большой семье не без урода.*

Плохая семья – это семья, в которой нет согласия и уважения друг к другу: *В семье разлад, так и дому не рад; В большой семье не щелкай клювом; Все в семье спят, а невестке молотить велят.* Метафорическая модель *разлад, раздоры – ссоры* служит для представления концепта *семья* с негативной точки зрения: *Где любовь да совет, там и рай, там и свет; а ссоры да споры там только лишь вздоры; В семье разлад, так и дому не рад* [Рахмат 2013].

Интересным примером для понимания российской культуры может служить исследование Т. В. Гонновой [2003]. Анализируя социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании, исследователь приходит к следующим выводам/ В пословицах и поговорках, содержащих признак отношения к труду, более четко отражена система ценностей российского социума. К ним относится положительное оценивание труда с соответствующей мотивировкой (труд приносит удовольствие, достаток семье и в целом обществу и т.д.): *Рукам работа, душе праздник. Где труд, там и счастье. Где работа, там и густо, а в ленивом доме пусто.*

Вместе с тем, в некоторых пословично-поговорочных высказываниях работа квалифицируется отрицательно, особенно ее большой объем, трудность выполнения: *Хоть корку глотать, да не пенья ломать. От работы не будешь богат, а будешь горбат.* Анализ же современных устойчивых выражений пословичного характера, которые предлагаются в современном словаре В. С. Елистратова, показывает преимущественно отрицательное отношение к работе: *Лучше плохо отдыхать, чем хорошо работать. Пашет до кровавого пота.* Этот факт легко объясним, если учесть источник появления данных высказываний. Многие из них воровского происхождения. Положительное отношение к честному труду, как правило, высмеивается в указанном микросоциуме.

В афоризмах однозначно эксплицировано положительное отношение к труду. Понятие труда в афористическом фонде русского языка связано, прежде всего, с понятиями морального характера – почетом, уважением, общественной пользой, прилежанием, честностью, счастьем, воспитанием: *Труд облагораживает человека (В. Г. Белинский). Радуюсь я – это мой труд вливается в труд моей республики (В. В. Маяковский). Владыкой мира будет труд! (В. А. Акимов).*

Анализ сказок показывает, как правило, положительное отношение русских к работе, труду в обществе. Лень, праздность порицаются нашим социумом.

Каждая культура имеет множество символов и образов, а также стереотипов поведения, с помощью которых мы можем автоматически действовать в разных ситуациях. Обычно, находясь в условиях своей культуры, человек не отдает себе отчета, что в ней есть эта скрытая часть «культурного айсберга». Мы осознаем наличие этой скрытой системы контролирующей наше поведение норм и ценностей лишь тогда, когда попадаем в ситуацию контакта с иной культурой.

Категория «чужой» – имплицитный или эксплицитный элемент всех определений понятия «межкультурная коммуникация». Известно, что одним из фундаментальных

семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира – «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы – они», «этот – тот», «здесь – там», «близкое – далекое» и т.д.

Образ «своего» как способ ориентации среди людей различных национальностей входит в структуру сознания члена каждой национально-исторической общности. Этот образ характеризуется положительной эмоциональной окрашенностью и положительным оценочным знаком. Идеализированный, приукрашенный образ «своего» воплощает в себе не только положительное, но и положительное в высшей мере и степени. Данный образ является результатом воздействия на носителей данной национальной культуры со стороны предшествующих поколений и является одним из факторов данной культуры [Катермина 2004].

Так, в русском языке «своему» миру, «Руси», в значении «мир, белый свет», противопоставляется нерусь, ино- и чужеземцы, рассматривающиеся как существа из-за моря, с той стороны, с того света, из-за рубежа, из другого пространства: *заморец, заморянин – заморский житель; иноплеменник, инородец или инородка – уроженец другого, чужого племени или народа; иностранец, иностранка – житель или выходец, путник из иного государства, земли; чужестранец – чужак или чуженин, человек из другой земли, другого государства; чуженин, чужбинин или чужбинник, чужень, чужак – чужой, сторонний, пришлый, пришлец.*

«Чужой» мир образует единую враждебную массу, состоящую из единиц, кажущихся абсолютно тождественными, что выражается, исходя из наших наблюдений, в использовании при описании «чужого» мира форм множественного числа с ярко выраженной отрицательной оценочностью (*татарва, нерусь – собир. инородцы, иноземцы, чужестранцы; басурманицина – всякий иноземец и иноверец в неприязненном значении, особенно азиат или турок*).

Специфика значения этнонима состоит в том, что название этноса может сохранять следы событий, с ним связанных, и иметь пространственно-временные и информационные характеристики. Этноним фиксирует в своем значении разнообразные ассоциации, связанные с этносом, в том числе эмоциональные, эстетические, оценочные и символические.

Человек воспринимает мир сквозь призму представлений, отношений и ценностей, господствующих в его родной культуре. То есть задумывает и планирует свои действия, ведет себя в соответствии с конкретными, достаточно стабильными культурными образами-нормами, которые становятся для него стереотипными.

По наблюдениям специалистов, стереотипы диктуют около двух третей форм человеческого поведения, ограничивая инициативу и свободу выбора. Однако они же избавляют человека от необходимости каждый раз изобретать должную реакцию на типовые предъявления и ситуации. То есть, следование стереотипу предполагает превентивное избегание ситуации выбора, минимизацию риска, распознавание каждой новой ситуации как привычной и неproblemной.

Встречаясь с представителями других народов и культур, человек обычно проявляет естественную склонность воспринимать их поведение с позиций своей культуры, «мерить на свой аршин». При этом без умения быстро и правильно оценить собеседника сложно ориентироваться в ином социальном и культурном окружении. Чаще всего непонимание чужого языка, символики жестов, мимики и других элементов поведения собеседника ведет к искаженному толкованию смысла его действий, что порождает такие негативные чувства, как настороженность, презрение, враждебность.

Нами была предложена следующая схема этнической отчужденности в русском языке:

1. «Чужой» как русский – житель другого города: *лапотник – прозвище жителей города Крестцов; чилимник – прозвище астраханцев.*
2. «Чужой» как украинец или сибиряк. Следует особо отметить, что здесь мы сталкиваемся с наличием взаимных прозвищ: *украинец – малоросс, хохол, корович; кацап, москаль – юж. пренебр. прозвище, данное малороссами великороссам* (причем прозвище

«москаль» включает в себя в основном прозвище русского военного); в Сибири русский – «несибирский», из европейской Руси, также сибиряки называют русских «блошниками» (так как в Сибири нет блох).

3. «Чужой» как иностранец (европеец или азиат). Исходя из наших наблюдений, данная группа подразумевает не только иноземство, но и иную веру. *Басурман – неверный, нехристианин, особенно мусульманин, всякий иноземец и иноверец в неприязненном значении, особенно азиат или турок*, а также *орда – бран. татарин, киргиз; осман, отоман – устар. турок; мурза – бран. татарин, бусурман*.

Анализ единиц, выражающих этническую оценку человека, свидетельствует о том, что собирательным именем для европейцев является единица «немец». Немец – «не говорящий по-русски, всякий иностранец с Запада, европеец, в частности германец» [Даль 1995:II, 562]. Кроме общего названия, также существуют отдельные наименования для европейских наций: *англосакс – англичанин; британец, брит – англичанин; сын Альбиона – высок., теперь шутол. и ирон. англичанин; имерц – бран. немец; гадоед – француз*.

Своим появлением стереотипы обязаны межкультурным или межэтническим контактам, когда выявляются наиболее типичные черты, характерные для того или иного народа, той или иной культуры.

Реальным носителем стереотипов является группа. В повседневной жизни наибольшее распространение получили *этнические стереотипы* – устойчивые суждения о представителях одних национальных групп с точки зрения других. Такого рода стереотипы-клише становятся основными компонентами общения для представителей групп.

Важно понять, какие сферы жизни того или иного народа, личностные свойства людей, составляющие его, их интеллектуальные, психические, антропологические особенности становятся объектами оценки. Очевидно, что это разного рода отличия, то, что «не похоже», что выделяет данную национальную культуру среди других. Повторяемость отрицательных или положительных оценок, их массовость (среди представителей данного этноса) и устойчивость во времени – условия формирования этностереотипов. Объектами оценки, в частности, могут быть национальные традиции и обычаи, модели повседневного поведения, черты национального характера, особенности анатомии, физических движений, походки, речи и многое другое.

Спецификой объектов этнической оценки в русском языке могут служить:

– *особенности народного костюма* (колошник – кто ходит в калошах, например карелки, чувашки; малахайник – башкир, киргиз, кто носит шапки, малахай);

– *гастрономические предпочтения* (сомятник – прозвище красноярцев [бран. кто ест сома]; кашехлеб – прозвище кириловцев, Новгородской губ.; гадоед – кто ест гадов, например калмыки и французы);

– *особенности интеллекта* (воть – прм. вотяк [шутол. и бран. болван, дурак, разиня]);

– *названия торговцев/производителей определенных товаров* (лапотник – кто плетет лапти, прозвище жителей города Крестцов; шанежник – кто торгует вразноску шаньгами [ватрушками], шутол. прозвище архангелогородцев; колбасник – бран. или шутол. прозвище немцев; оливщик – торговец маслинами, прозвище греков).

Также необходимо выделить языковые единицы – слова, фразеологизмы, синтаксические конструкции, которые можно интерпретировать как средства обозначения этнических стереотипов.

Такими средствами, по Л. П. Крысину [1989], могут являться:

1. Слова, в свернутой форме содержащие в своих значениях оценку свойств типичного представителя другого этноса. Таково, например, значение просторечного глагола *выцыганить* – «получить что-либо у другого лица в результате настойчивых, надоедливых просьб». Оно основывается на пресуппозиции, согласно которой цыгане умеют добиваться своего именно путем таких просьб.

2. Атрибутивные словосочетания, где определение – прилагательное, образованное от этнонима, а определяемое – имя какого-либо свойства человека: *американская деловитость, немецкая пунктуальность* и т.д.

3. Генетивные сочетания, где в позиции подчиненного генетива – этноним, а в позиции синтаксического хозяина – имя какого-нибудь человеческого свойства: *он добивается своего с фанатизмом мусульманина и т.д.*

4. Сравнительные обороты: *точен как немец, черный как негр, ленив как русский, неискренний как американец* и т.п.

5. Фразеологизмы: *уйти по-английски, брак по-итальянски.*

6. Пословицы и поговорки, включающие этнонимы и эксплицитно или имплицитно указывающие на какие-либо свойства представителя соответствующей национальности: *незванный гость хуже татарина, русскому здорово, а немцу смерть, еврей он и в Африке еврей* и т.д.

Для языкового выражения этностереотипов характерны обобщения и гиперболизация тех или иных свойств. Этой цели служат, в частности, кванторные слова типа *все* («Все немцы любят пиво»), *всегда* («Немец всегда пунктуален»), *никогда* («Англичане никогда не поступятся традициями»), *каждый* («Каждый азиат – многоженец»), *любой* («У любого американца есть автомобиль, а то и два»).

Интересны также модальные наречия типа *просто, прямо, прямо-таки*, усилительные частицы типа *даже*, оценочные прилагательные *настоящий, истинный, подлинный* и некоторые другие, которые употребляются в контексте сравнения свойств того или иного лица со свойствами представителя «эталонного» в этом отношении этноса: «Ты прямо хитрый как цыган», «Тут даже финн разговорится» [Крысин 1989: 61].

Заслуживают исследовательского внимания случаи переносного употребления некоторых этнонимов (или слов, обозначающих представителей той или иной расы): например, слово «негр» в русской разговорной речи употребляется в значении «человек, который тяжело работает и не может реализовать свои права». (Например, «Нашел себе негра!»). Переносные значения имеют и некоторые прилагательные, образованные либо от этнонимов, либо от имен материков или стран (ср. «азиат» в значении «некультурный человек», в устойчивых оборотах *мексиканские страсти, китайская грамота*, в высказываниях *как белый человек* и др.). Русская лексикология и лексикография находятся в процессе изучения, осмысления и отражения текущей языковой практики в области этнонимов. В том, что это важнейшая проблема, сомневаться не приходится. «Имя человека и имя народа (антропоним и этноним) – пишет В.Б. Кашкин – являются двумя центрами ... системы, организующей жизнь и выживание индивида, сотрудничество и совместное выживание совокупности индивидов» [Кашкин 2002: 360].

То, что реальные межэтнические отношения оказывают влияние на стереотипы, не требует особых доказательств. Именно от характера отношений – сотрудничества или соперничества, доминирования или подчинения – зависят основные «измерения» стереотипов – содержание, направленность (общее измерение благоприятности) и степень благоприятности, и в конечном счете, степень их истинности [Катермина 2012: 261].

В итоге хочется отметить, что при существующем в научном мире разнообразии точек зрения в рассмотрении сущности межкультурной коммуникации, неоспоримой является культурно-определяющая доминанта как ключ к пониманию межкультурных взаимодействий.

Список литературы:

1. Альбрехт Э. Критика современной лингвистической философии. – М.: Прогресс, 1967.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
3. Бердяев Н. А. Самопознание. – М.: Международные отношения, 1990.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1990.
5. Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Советский писатель, 1988.
6. Гоннова Т. В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003.

7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. – М.: ТЕРРА, 1995.
8. Дубичинский В. В. Лексические параллели. – Харьков: Б. и., 1993.
9. Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Монографии по русской истории. Т. 1. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897.
10. Катермина В. В. Личное имя собственное: Национально-культурные особенности функционирования: На материале русского и английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1998.
11. Катермина В. В. Национальный характер и этнические стереотипы // Культура как основной потенциал формирования позитивного имиджа Кавказа: Материалы Международной научно-практической конференции. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. - С. 258-261.
12. Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект: На материале русского и английского языков. – Краснодар: КубГУ, 2004.
13. Катермина В. В. Русские имена собственные в загадках, поговорках, фразеологизмах и художественных текстах: словарь. – Краснодар: КубГУ, 2009.
14. Кашкин В. Б. Этноним в повседневной философии языка // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сб. науч. трудов. – Воронеж: ВГУ, 2002. - С. 355–363.
15. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. - С. 98 – 189.
16. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989.
17. Рахмат А. Концепт «семья» в русской паремике: Лингвокультурологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2013.
18. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997.
19. Hall E. T. The Silent Language. – New York: Doubleday, 1959.
20. Hofstede G. Lokales Denken, globales Handeln: Kulturen, Zusammenarbeit und Management. – München: Beck. Holzkamp, Klaus, 1997.
21. Kluckhohn F. R., Strodtbeck F. L. Variations in Value Orientations. – New York: Row Peterson, and comp., 1961.
22. Knapp K., Knapp-Potthoff A. Interkulturelle Kommunikation // Zeitschrift für Fremdsprachenforschung. – 1990. – № 1. – S. 62–93.
23. Ladmiral J.-R., Lipiansky E. M. Interkulturelle Kommunikation. Zur Dynamik mehrsprachiger Gruppen. – Frankfurt; New York: Norton, 2000.